

*Моему отцу
Миноту Боумену-младшему
с любовью*

Глава 1

Лондон, июль 1818 года

— Ты можешь получить повышение, Грим, но при одном условии, и, боюсь, это условие тебе не понравится.

Генерал Марк Гримальди сидел напротив престарелого лорда Аллена, своего начальника и одного из самых влиятельных политиков в стране.

Марку казалось, что он ждал этого дня всю жизнь. Во всяком случае, всю свою взрослую жизнь.

Он был безупречно одет. Брюки были превосходно отутюжены, рубашка идеально накрахмалена, а галстук завязан по всем правилам. Ботинки же были начищены до зеркального блеска, и на лице сияла улыбка. Марку было тридцать четыре года. Он работал как проклятый, неоднократно рисковал жизнью и отказался почти от всего — только бы поступить на службу его величества. Боже мой, он едва не умер ради этого повышения!

Условия? Плевать на условия! Ничто не сможет остановить его. Он станет министром внутренних

дел, главой министерства внутренних дел... или умрет.

Марк нервно дернул манжету.

— Говорите! Нет условия, которое я не смогу принять.

Лорд Аллен встал. Заложив руки за спину, медленно обошел стол и остановился рядом с Марком, продолжавшим сидеть. Откашлявшись, он сообщил:

— Лорд Тоттенхем не хочет, чтобы эту должность занял холостяк. Ему нужен человек остепенившийся.

Лорд Тоттенхем управлял кабинетом министров и являлся начальником лорда Аллена. Именно Тоттенхем будет принимать окончательное решение по кандидатуре нового министра.

— Что вы имеете в виду? — прищурившись, осведомился Гримальди. — Что значит — остепенившийся? — Но он уже знал ответ — ответ подсказал холодок, внезапно возникший где-то в желудке.

— Нужен семейный человек, — пояснил лорд Аллен. — Ты должен жениться.

Жениться? Слово это ударило его, словно пуля, в грудь. А ведь он, Марк, добивался всего собственными силами. Абсолютно всего. Он ставил перед собой конкретную цель и добивался ее. Теперь он решил стать министром внутренних дел. Возможность неудачи даже не рассматривалась. Никакая жена не помешает ему добиться своего.

Он невольно сжал кулаки. Что за жестокая ирония судьбы? Горькая ирония... Он ведь отдал всю

жизнь работе. Никаких уз. Никаких сожалений. Он отказался от всего, в том числе и от семейной жизни. И вот теперь, оказывается, ему нужна жена? Политики могут быть грубы и жестоки. А сегодняшнюю ситуацию можно было бы считать смешной, если бы только она не оказалась столь печальной...

— С женитьбой есть проблема, — со вздохом пробормотал Марк.

— Какая? — Лорд Аллен вернулся на свое место и снова сел.

Ну вот и настал момент истины. Ему придется признаться в том, о чем он умалчивал годами. На его губах появилась грустная улыбка.

— Видите ли, я... уже женат.

Глава 2

Сомма, Франция, конец июля 1818 года

Слегка наклонив голову, Николь скакала по лавандовому полю верхом на своей кобыле Аталанте. Ветер трепал ее волосы, а на губах играла торжествующая улыбка. Она испытывала чистое, ни с чем не сравнимое наслаждение. Нет ничего приятнее, чем вызвать мужчину на соревнование и победить. Граф де Руссель скакал рядом. Точнее — отстал на два или даже три корпуса и тщетно пытался догнать ее. Генри — хороший человек и добрый друг, но Николь ни секунды не сомневалась, что победит его в скачках. В конце концов, скачки существуют именно для того, чтобы их выигрывать.

Поля были покрыты цветами. Николь с наслаждением вдохнула полной грудью воздух, напоенный ароматом лаванды, и подставила лицо теплему солнышку. Вероятно, теперь у нее появится больше веснушек — ну и ладно. Она обожала такие дни. Солнце стоит высоко, в полях сухо, а ветер развеивает ее рыжие волосы. Она никогда не старалась убрать непослушные пряди, когда отправлялась на верховую прогулку. Развевающиеся волосы были для нее одной из обязательных составляющих свободы.

Краем глаза Николь заметила своего слугу Рощара, спешившего к ней по полю и размахивавшего шляпой.

— Мадам, мадам, у вас гость! — закричал он, приблизившись.

Николь остановила лошадь и, прикрыв ладонью глаза от солнца, посмотрела в сторону дома. Гость? Но сегодня она никого не ждала...

А потом она заметила мужчину и почувствовала, как сердце ее рухнуло... прямо в пятки. Она бы узнала его в любой толпе! Высокий, широкоплечий, темноволосый, безупречно одетый джентльмен. Ей не надо было приближаться, чтобы убедиться — это он. Только один человек на свете мог так выглядеть, мог стоять в такой позе и наблюдать за ней с непередаваемой смесью любопытства и плохо скрытой неприязни.

Проклятье! Муженек пожаловал!

Граф остановил коня рядом и тоже посмотрел на мужчину, стоявшего на краю поля.

— Гость? — спросил он на безупречном французском.

— Да. — Николь мысленно выругалась.

— Но кто он? Выглядит как англичанин.

— О да! — Николь в раздражении фыркнула. — Англичанин до мозга костей!

Этот тип определенно англичанин. И уж точно — настоящий осел. Она надеялась, что больше никогда его не увидит, по крайней мере живым. О, это было так похоже на Марка — свалиться без предупреждения, как снег на голову, после всех этих лет. И он был в полной уверенности, что его не вышвырнут за порог. Хотя... Ведь внезапность — его тактика. Предупреди он, что собирается нанести ей визит, она, конечно же, нашла бы благовидный предлог, чтобы отказать.

Николь вздохнула, сняла перчатку и пригладила волосы. Она не задавалась вопросом, как он ее нашел. Этот человек был опытным шпионом, так что обнаружить ее местонахождение ему было не трудно. Она выпрямилась, расправила плечи и снова вздохнула. Что ж, так тому и быть. Настал день, которого она ждала и боялась вот уже десять лет. Наконец-то она посчитается с Марком Гримальди!

Николь повернула Аталанту, пришпорила и поспешила к воротам, возле которых стоял Марк. Она спешила, отбросила рыжие пряди за спину и направилась к мужу. Она не сводила с него недоброжелательного взгляда. Марк был не из тех, кто прощал слабость, поэтому она зашагала прямо к нему, а не отвела сначала лошадь в конюшню.

Приблизившись, Николь сняла перчатки. Ему придется принять тот факт, что она каталась на лошади в мужском костюме. Так ей было удобнее.

— Кого я вижу? Марк Гримальди? Чем обязана?.. — Ее голос был предусмотрительно лишен каких-либо эмоций за исключением разве что сарказма.

Марк демонстративно окинул ее долгим взглядом — с ног до головы — и тем самым заставил почувствовать себя уязвимой, почти голой. Что ж, в конце концов, он единственный мужчина, которому удалось поймать ее с поличным. Она нахмурилась, внезапно ощутив, как плотно ее облегают панталоны, а мужская рубашка открывает шею до самых грудей. Ох, плохо...

— Чем обязана? — переспросил Марк с усмешкой. Его голос оставался таким же низким, холодным и надменным, каким она его помнила.

— Приехал помучить меня? — Она делано улыбнулась и подбоченилась, упершись кулаком в бедро. В другой руке она сжимала мягкие кожаные перчатки для верховой езды — причем сжимала так сильно, что заныли пальцы.

— Да, возможно. — Марк обернулся к графу. — Но сначала... Разве ты не представишь меня своему другу?

Граф в этот момент как раз подъехал к ним. Николь прикусила губу, стараясь не сказать что-нибудь по-настоящему неприличное. Повернувшись к спешившемуся графу, проговорила:

— Граф де Руссель, это Марк Гримальди. — В ее голосе звучало холодное презрение. — Когда мы с

ним встречались в последний раз, он был капра-лом. Зная его, могу предположить, что он уже стал премьер-министром. Месье Гримальди, это граф де Руссель.

Генри — его светлые волосы остались после скачки в идеальном порядке — улыбнулся и поклонился, приподняв шляпу.

— Генерал Марк Гримальди. — Марк протянул руку для традиционного рукопожатия.

Глаза Николь вспыхнули. Правда, она все равно не смогла удержаться от колкости.

— Даже не фельдмаршал? — осведомилась она с сарказмом.

Марк не сводил пристального взгляда темных глаз с графа.

— Я намерен игнорировать свое воинское звание, — заявил он. — Тем более... что войны уже окончились. Если, конечно, вы, живя здесь, об этом слышали. — И он сделал широкий жест рукой, как бы указывая на окружавший их идиллический пейзаж.

Николь нахмурилась. Граф же с задумчивым видом поглядывал то на мужчину, то на женщину, находившихся с ним рядом.

— А еще я ее муж, — внезапно заявил Марк. — Полагаю, вы не сказали об этом своему другу, мадам Гримальди.

Глаза графа округлились. Резко повернувшись к Николь, он уставился на нее в изумлении.

— Вы действительно женаты? — Он покосился на Марка.

— Да, я ее муж, — ответил Марк с усмешкой.

«Будь ты проклят!» — мысленно воскликнула Николь. И тут же пробурчала:

— Это правда. — Она тряхнула головой, и ее рыжие пряди словно ожили. Погладив пышную гриву своей лошади, она добавила: — Прошу прощения. Мне надо отвести Аталанту в конюшню. — Она отвернулась и тут же направила лошадь в сторону конюшни.

За спиной ее раздался смех Марка.

— Аталанта? Разумеется, ты могла назвать кобылу только именем женщины-воительницы, главная цель жизни которой — доставить неприятности своему мужу.

Николь стиснула в руке поводья, но не оглянулась. Вместо этого горделиво вскинула подбородок и ускорила шаг. Нет, она никому не доставляла проблем! Просто делала что нравилось, а ее за это презирали. Николь шла все быстрее, но мужчины от нее не отставали, под их сапогами громко хрустел гравий.

И тут снова раздался голос Марка:

— Мне кажется, Афродита — более подходящее имя. Лошадь женщины, наставившей рога мужу.

Николь резко остановилась и обернулась.

— А твоего коня наверняка зовут Зевс! Это имя человека, ломавшего жизнь всем, кто его окружал!

Марк насмешливо улыбнулся.

— Нет, у меня все тот же Юпитер. Он верой и правдой служил мне все эти годы. Кстати, Зевс —

это бог, а не человек. Ты не знала? — Теперь он уже широко улыбался. — Или ты уподобляешь меня богу?

— Я говорю о твоём коне, а не о тебе. — Николь поджала губы и не сказала больше ни слова. Все равно ее колкости на него не действовали, даже наоборот: он, похоже, наслаждался ими. Но, как бы то ни было, она ни за что не допустит, чтобы он снова ворвался в ее жизнь и лишил ее покоя. Много лет она пыталась забыть его!

— Мадам, вы желаете, чтобы я ушел? — подал голос граф.

— Нет, месье, прошу вас, останьтесь, — быстро ответила Николь, решив позлить Марка — тот явно желал, чтобы Генри удалился. В какой-то момент она почувствовала укол вины. Было неправильно делать бедного, ни в чем не повинного Генри свидетелем ее обмена колкостями и язвительными замечаниями с Марком. Генри не заслуживал такого обращения. Подумав об этом, Николь твердо решила, что не станет отвечать на шпильки Марка.

Все трое в напряженном молчании добрались до конюшни, где Николь отдала поводья конюху. Затем она повернулась к мужчинам — руки скрещены на груди, каблук постукивает по земле.

— Сейчас мы пойдем в дом, где можно перекусить, но сначала... — Она уставилась в ненавистно красивое лицо Марка. — Ты намерен сказать, какого черта явился? Уверена, не для того, чтобы выпить чаю.

— Конечно. Но я надеялся поговорить с тобой. — Марк с явной неприязнью оглядел графа с ног до головы. — Надеялся поговорить наедине.

Не прошло и полчаса, как граф уже был на пути домой, а Николь стянула волосы в тугий пучок на затылке, закрепив их заколками, которые обнаружила в кармане. Она наотрез отказалась подняться вверх и надеть платье — не желала делать вид, что является тихой английской женошкой, которая нужна была Марку. Если он хочет что-то ей сказать, придется ему смириться с ее мужским костюмом.

Правда, она все же была хозяйкой дома и потому провела его в гостиную и приказала принести чай.

— Прекрасно выглядишь, — заговорил Марк, когда она заняла место на обитом розовой тканью диванчике, стоявшем в середине комнаты.

Николь устремила на мужа пристальный взгляд, в котором не было ни капли приязни.

— Избавь меня от своих любезностей, — поморщилась она. — Мы оба знаем: тебе что-то от меня нужно. Иначе ты бы не явился. Не трать зря свое и мое время. Говори же: что тебе от меня надо?

Глава 3

Марк в очередной раз усмехнулся. Что ж, Николь всегда была прямой и откровенной. Именно ее прямота была одним из тех качеств, которые изначально привлекли к ней его внимание. Она понимала, что его внезапный приезд мог быть вызван

только острой необходимостью. Что ж, очень хорошо. Он тоже предпочитал откровенность.

— Ты права. Мне действительно кое-что от тебя нужно.

— Говори же! — Она откинулась на спинку диванчика и положила ногу на ногу.

Даже под угрозой смерти Марк не смог бы отвести глаза от ее длинных стройных ног, соблазнительно обтянутых бриджами. А эта рубашка, открывающая грудь... У Марка внезапно вспотел затылок. Что ж, ладно. Пусть Николь, если желает, катается вокруг своего французского загородного дома в мужском костюме и с распущенными волосами на лошади по кличке Аталанта. Она устроила соревнование с графом и выиграла. Как это на нее похоже! Она обожала скачки и всевозможные состязания и ненавидела проигрывать. И поэтому... Чтобы иметь хотя бы минимальную надежду на то, что она согласится на его предложение, не стоило сразу настаивать ее против себя.

Марк осмотрелся. Гостиная была со вкусом отделана в розовых и кремовых тонах со штрихами зеленого. Сам дом был довольно большой и хорошо обставленный, но без претенциозности. Николь имела доступ к его деньгам, однако не истратила из них ни шиллинга, жила на собственные деньги или же на средства своей семьи.

— Что, никаких воспоминаний? — Марк положил обе руки на спинку дивана. — Никаких разговоров о приятных событиях в прошлом?

Николь вскинула темные брови.

— А они были, эти приятные события? По-моему, их было слишком мало, и они случались слишком редко, так что и говорить о них не стоит.

— Но ведь были. — В постели. Марк дернул свой шейный платок. Какого черта он вдруг стал таким тугим?

А она нервно теребила пучок волос на затылке. Только Николь могла так быстро собрать волосы в пучок — даже не глядя в зеркало — и выглядеть после этого весьма и весьма... Несколько длинных вьющихся рыжих прядей обрамляли лицо, на котором застыло выражение неудовольствия и раздражения.

— Ладно, хватит, — проворчала она. — У меня нет времени на пустые разговоры. Сегодня я иду на ужин, и мне надо переодеться.

Марк прикусил губу, но все же не сумел сдержаться насмешливого замечания.

— Наденешь чистые бриджи? — Проклятье! Жена выглядела потрясающе в мужском костюме. Честно говоря, она в любом костюме выглядела великолепно. И годы были к ней добры. Детская пухлость лица уступила место тонкости и изяществу. Только губы остались такими же припухлыми, розовыми и манящими, а волосы — густыми, пышными и шелковистыми. Глаза же казались немного уставшими, но, как и прежде, светились умом и пронизательностью. А фигура... хм... фигура, похоже, стала еще роскошнее. Вероятно, сказались длительные верховые прогулки. Черт побери, он бы многое отдал — только бы эти сильные изящные ноги снова обхватили его бедра.

— Несмотря на мой теперешний внешний вид, можешь не сомневаться: у меня еще есть платье... пожалуй, даже два. — Ее слова отвлекли Марка от непристойных мечтаний. Николь же напряженно улыбалась.

Марк встал, подошел к столику у стены и налил себе бренди.

— Собираешься опять встретиться с графом?

— А что?.. — В ее низком голосе, как и прежде, звучала хрипотца. — Неужели ревнуешь?

— Ревную? Понятия не имею, что означает это слово.

— Граф — мой друг, не более того.

Марк пожал плечами и плеснул себе еще немного бренди.

— Уверен, ты бы мне сказала, будь он не только другом.

— Уверена, что тебе наплевать.

— Ошибаешься. Ни одному мужчине не понравится представлять свою жену в постели с другим мужчиной. — Марк сделал большой глоток.

Николь закатила глаза.

— А ты, разумеется, все эти годы воздерживался от интимных связей, — проговорила она с усмешкой.

Именно так и было. Но Марк скорее умер бы медленной мучительной смертью — вроде той, что грозила ему в плену у французов, — чем признался в этом. Однако же... Они с Николь приняли совместное решение разъехаться и не виделись десять лет. А Николь — красивая женщина в самом расцвете сил. И... Черт побери, перспектива разбить